

Военные действия в белорусско-литовских землях в 1831 году

В.Е. ЗАЙЦЕВ

Рассматриваются подготовка и ход вооруженного выступления в Виленской губернии в марте 1831 г., ответные мероприятия российского командования. Раскрыт ход военных действий в белорусско-литовских землях в апреле-августе, в том числе действия Русской резервной армии П.А. Толстого, польского отряда барона Д. Хлаповского, корпуса генерала А. Гелгуда. Описан штурм Вильно в июне 1831 г., поражение и отступление повстанцев из белорусско-литовских земель. Анализируются причины поражения восстания на белорусских территориях.

Ключевые слова: восстание 1830–1831 гг., Королевство Польское, белорусско-литовские земли, военные действия.

Preparation and course of the armed performance in the Vilensky province in March 1831, reciprocal actions of the Russian command are considered. The course of military operations in the Belarusian-Lithuanian lands in April–August, including actions of the Russian reserve army of P.A. Tolstoy, the Polish group of the baron D. Hlapovsky, the case of the general A. Gelgud is opened. Vilno's storm in June, 1831, defeat and retreat of insurgents from the Belarusian-Lithuanian lands is described. The reasons of defeat of revolt in the Belarusian territories are analyzed.

Keywords: the uprising of 1830–1831, the Kingdom of Poland, the Belarusian-Lithuanian lands, military actions.

29 ноября 1830 г. в Варшаве началось национально-освободительное восстание, вызванное комплексом социально-политических причин, связанных с политикой российского самодержавия на присоединенных после разделов Речи Посполитой землях. Спустя некоторое время наместник императора в Королевстве Польском цесаревич Константин Павлович сдал повстанцам все крепости и военные арсеналы и покинул пределы Королевства. Польские земли охватила революция [6, с. 8]. Оценка действий Константина сегодня – дискуссионный вопрос. Ведь, как полагали многие очевидцы Варшавских событий, у цесаревича имелись возможности подавить мятеж в «зародыше» [1, с. 27], [5, с. 173].

По теме исследования существует большое количество источников и литературы. В данной работе использованы мемуары современников тех событий: российского генерала Д.В. Давыдова [1], польского генерала Д. Хлаповского [2], дневник воспоминаний белорусского повстанца И. Клюковского [3], письма Николая I главнокомандующему резервной армией генералу П.А. Толстому [4], полковые истории [5].

Тема затрагивалась в ряде исследований, опубликованных в дореволюционный период. В первую очередь, следует назвать работу А.К. Пузыревского «Польско-русская война 1831 года» [6], которая содержит большое количество данных о состоянии войск, их передвижениях, потерях, хотя и несет на себе идеологический отпечаток той эпохи. Репрессивные меры российских властей при подавлении восстания на рассматриваемой территории описаны в работе Д.А. Кропотова «Жизнь графа М.Н. Муравьева» [7]. Политическое положение Королевства Польского, а так же белорусско-литовских земель перед восстанием анализируются в книге Ш. Аскенази [8]. Сведения биографического характера о многих участниках описанных в статье событий приведены в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцева: [9], [10], [11]. Большое внимание теме восстания уделено в польской историографии: [12], [13], [14], [15]. В наши дни немало белорусских историков, в той или иной степени, успешно занимаются изучением вопросов восстания 1830–1831 гг. в Беларуси: [16], [17], [18], [19], [20], [21], [22].

Как известно, сообщение о начале вооруженного выступления в Варшаве поступило в Санкт-Петербург в первых числах декабря 1831 г. Российское командование незамедлительно приняло меры по мобилизации своей армии и сосредоточило ее в одном месте. Главнокомандующим действующей армией был назначен граф, генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский. 13 декабря 1830 г. в Минской, Гродненской, Виленской губерниях, Белостокской

области, а так же Волынской и Подольской губерниях вводилось военное положение. Эти территории передавались в подчинение графу И.И. Дибичу-Забалканскому. Таким образом, их население попадало под юрисдикцию военно-полевых законов [19, с. 43].

Русским, вопреки расчетам, и благодаря серьезному отпору противника, не удалось разгромить польскую армию «одним ударом», в результате война приняла затяжной характер. Жесткие полицейские меры, принятые царским правлением для предотвращения распространения восстания, не смогли помешать революционному порыву многих патриотов. При поддержке эmissаров из Варшавы, для подготовки и руководства восстанием в белорусско-литовских землях, в январе 1831 г. был создан Виленский Центральный комитет. В различные районы направились его представители, в том числе в Минщину и Витебщину. В феврале Центральный комитет принял решение начать выступление в Виленской губернии, поскольку эта область слабо охранялась российской армией – в то время ее основные силы находились в Белостоке, Гродно, Минске и Слониме. Но приказ о начале военных действий не был отдан своевременно [19, с. 44], [16, с. 62].

Тяготы русско-польской войны, возложенные российским военным командованием на население белорусско-литовских земель, вызывали все большее недовольство, особенно у крестьян. Наряду с многочисленными реквизициями, наблюдались и факты злоупотреблений полномочиями со стороны военных [19, с. 45]. Не простая ситуация сложилась в Жмуди [14, с. 221].

26 марта 1831 г. повстанческие отряды, состоящие из крестьян и шляхты, напали на город Россиены Виленской губернии. Они обезоружили небольшую российскую команду, и овладели населенным пунктом. Было объявлено, что захваченная территория включалась в состав возрождавшегося Королевства Польского. Населению гарантировались свобода и равенство, зафиксированные в Статуте ВКЛ 1588 г. [16, с. 63].

Это событие стало, своего рода, сигналом к всеобщему выступлению. За считанные дни восстание охватило Виленщину [6, с. 261]. Патриоты под предводительством К. Залусского все-ръем начали готовиться к штурму недостаточно защищенного губернского центра. По ряду обстоятельств, захват Вильно сделался невозможным [13, с. 19], [3, с. 62], [6, с. 263]. В то же время, отрезанный от театра военных действий Виленский комитет не смог руководить ходом восстания, повстанцы каждого уезда действовали обособленно [19, с. 46]. Организующей силой выступала шляхта, она же и составляла основной костяк формирований [20, с. 92]. Среди представленного сословия находилось немало бывших офицеров времен наполеоновских войн. В Ворнах был устроен оружейный завод. Помощь свинцом и порохом оказывали из Пруссии [6, с. 138].

Подготовка к восстанию в Гродненской губернии велась с января 1831 г. тайной координирующей организацией. Концентрация здесь имперских войск не позволяла развернуть такой масштаб борьбы как в Виленской губернии [16, с. 84]. Вооруженное выступление в Виленской губернии явилось большой проблемой для российской армии, которая в результате оказалась практически неспособной вести военные действия на территории Королевства Польского. Фельдмаршалу И. Дибичу-Забалканскому пришлось бросить в Литву крупные формирования. С целью локализации опасных очагов и скорейшего подавления восстания, в апреле 1831 г. была создана многотысячная резервная армия под командованием генерала от инфантерии П.А. Толстого с подчинением ему Витебской, Могилевской и Минской губерний, а с июня также Виленской, Гродненской губернии и Белостокской области [7, с. 277].

Это позволило нанести крупное поражение повстанцам в Ошмянском бою 16 апреля. Казаки полковника Верзилина в 1 500 чел., вооруженные четырьмя орудиями, отбросили небольшой отряд защитников местечка, ворвались в него и учинили жестокую расправу над населением. Жертвы составили более чем 350 чел. [19, с. 48], [3, с. 50]. В 20-х числах того же месяца специальные карательные отряды под руководством опытных царских военачальников (Я. Отрощенко, Н. Сулимы, С. Хилкова и др.) поочередно приступили к подавлению восстания. К концу мая 1831 г. Виленщина вместе со всеми важнейшими дорогами находилась под контролем российских войск, подчиненных незадолго графу П.А. Толстому [6, с. 270]. Освободительное движение потерпело серьезный удар, повстанцы лишились оружейного завода, поставок из Пруссии, понесли потери в боях. Но и после этого многие патриоты продолжали вести партизанскую войну, и в будущем примкнули к польским регулярным войскам [13, с. 22].

В то время как на территории Виленщины восстание пошло на спад, его новые серьезные очаги возникли в Дисненском уезде Минской губернии. К середине мая 1831 г. в этом месте сосредоточились крупные силы из различных уездов, примерно 6 000 чел. В конечном итоге, после ряда неудачных боев, 16 мая «инсургенты» объединились в Лужках. Ввиду подхода значительных российских войск, они приняли решение об отступлении. В целях отвлечения внимания военного противника, повстанцы провели удачный маневр (в Лепельский уезд выступил отряд в 1 200 чел., который впоследствии был разбит), что позволило их значительной части (2 000 чел.) успешно отступить в Виленскую губернию [16, с. 82], [6, с. 271].

Не простая для россиян ситуация сложилась в Беловежской пуще. Эта местность стала основной базой и убежищем для восставших Гродненщины. В середине апреля в пущу перебрались члены тайного комитета. Военным руководителем избрали капитана Я. Жилинского, гражданская власть закрепилась за К. Немцевичем [16, с. 85]. Формирования повстанцев оставались немногочисленными, также не хватало опытных предводителей. В мае патриоты перешли к активной партизанской войне, нападали на небольшие отряды и транспорты, почты и т. п. Российскому командованию, вопреки предпринимаемым серьезным попыткам, не удавалось ликвидировать противника [14, с. 225], [6, с. 273].

До момента создания специальных следственных комиссий, жестокие расправы над повстанцами осуществляли военно-полевые суды [16, с. 157], [18, с. 112], [22, с. 122].

На начальном этапе освободительной борьбы, руководство восставшей «Польши» не оказывало военной поддержки жителям ВКЛ. Некоторые шаги на встречу «занеманским братьям» начали делаться с февраля месяца, а с апреля Национальное правительство осуществляло попытки направить в Литву армейские части. Изначально, в силу ряда причин, осуществить задуманное не удавалось. Впоследствии это сумел сделать талантливый генерал, бывший адъютант Наполеона Д. Хлаповский [19, с. 53]. 23 мая во главе 100 офицеров и унтер-офицеров военных инструкторов, 100 стрельцов и 1 уланского полка, при 2 конных орудиях, он вступил в Беловежскую пущу, а вскоре в Гродненщину. Задачей польского командира было пересечь границу Королевства Польского и оказать помощь повстанцам Виленской губернии [12, с. 357].

27 мая барон Д. Хлаповский вошел на территорию Волковысского уезда. По пути ему удалось перехватить посыльного, следовавшего из Слонима в Белосток. Командир сделал довольно необычный для военного времени поступок – он направил гонца обратно с письмом, в котором предлагал находившейся в то время в этом городе вместе с супругом Константином Павловичем княгине Жанетте Ловицкой (бывшей сестрой жены Хлаповского) встречу. Встреча в конечном итоге не состоялась – цесаревич вместе со своей больной холерой супругой спешно покинули город [16, с. 88]. Судьба великого князя Константина, наместника императора Николая I в Королевстве Польском и негласно на землях бывшего ВКЛ, талантливого военачальника, закончилась трагически. В середине июня 1831 г. он мучительно умер от холеры в Витебске [9, с. 155].

Весной – летом 1831 года болезнь свирепствовала в России, унося многие людские жизни. От холеры скончался и российский генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский [10, с. 353].

Генерал Д. Хлаповский продолжал продвигаться вглубь белорусских земель, проявляя свой блестящий полководческий талант, постоянно вводя в заблуждение противника относительно маршрута следования, активно распространяя неверные слухи о том, что якобы, его отряд является всего лишь арьергардом польского корпуса. На своем пути он брал в плен российских солдат и офицеров, присоединял к себе новые силы повстанцев, пополнял запасы оружия и трофеев [6, с. 275], [19, с. 54]. 31 мая, после победного боя с российским Виленским пехотным полком под Лидой, армия полководца насчитывала уже порядка 5 000 чел. и 6 орудий. Отряд разделился: одна часть – 2 тыс. повстанцев и 4 орудия (в основном кавалерия) направилась через Радунь на Вильно, другая – 3 тыс. и 2 орудия – на Мосты [16, с. 91]. В планы генерала входила организация выступления в районе Припяти, то есть в далеком тылу российской армии [13, с. 42].

Подход польских регулярных войск способствовал активизации боевых действий повстанцев Беловежской пущи. Русские бросили в эту местность значительные военные части, которым, несмотря на упорное сопротивление, в первых числах июня удалось разбить неприятеля [6, с. 286].

В начале июня 1831 г. генерал Д. Хлаповский получил приказ присоединиться к бывшему в Виленщину для поддержки «литвинов» двенадцатитысячному корпусу генералов А. Гелгуда и Г. Дембинского. А. Гелгуд принял на себя командование всеми польскими войсками в белорусско-литовских землях [17, с. 105]. 11 июня было создано Временное повстанческое правительство, его полномочия распространялись на территорию бывшей Виленской губернии. Согласно инструкции, полученной из Варшавы, началось формирование «посполитого рушання». Мобилизация проходила быстрыми темпами [16, с. 91].

Недостаточно опытный главнокомандующий А. Гелгуд не получил конкретных инструкций к действиям от вышестоящего военного командования и обязался следовать советам генерала Г. Дембинского [12, с. 361]. Под влиянием различных мнений генералов своего корпуса, он действовал нерешительно, рассредоточивал силы, и не воспользовался благоприятной обстановкой для захвата слабо защищенного Вильно, вопреки убедительным советам Д. Хлаповского, у которого в середине июня в руках даже оказалась карта с диспозициями российских войск. Занятие Вильно имело бы огромное стратегическое и политическое значение [13, с. 62], [6, с. 310]. По свидетельствам, царские войска, оборонявшие столицу ВКЛ, сильно опасались своего противника [6, с. 311], [12, с. 365], [13, с. 62]. В доказательство можно привести и тот факт, что никто из их командующих не решался взять руководство обороной губернского центра на себя. Впоследствии это важное дело было доверено французскому инженеру генералу Теннеру, служившему в свое время при Наполеоне [2, с. 77]. Генерал Гелгуд так же не осуществил и других стратегически важных на то время действий, обрекая повстанческое войско на неудачу. Тем временем российской армии удалось стянуть для обороны Вильно значительные подкрепления и укрепиться на подступах к городу, в частности на ключевой позиции – Понарских высотах. Предпринятый 19 июня штурм был запоздалым. В тот день, накануне военных действий, соотношение сил было следующим: 24 тыс. чел. и 72 орудия удалось собрать русским у Вильно, из них противостояли Гелгуду 17 тыс. при 58 орудиях; их противник собрал в окрестностях города 20 тыс. повстанцев и более 30 орудий. Однако в бою приняло участие лишь немного более половины из них и около 30 орудий [12, с. 367].

В ходе боя, повстанцы неправильно повели атаку, из-за рельефа местности не имели возможности эффективно использовать артиллерию, начали преждевременно отступать, и потерпели поражение. В этом сражении негативным образом сказалось некомпетентное руководство командующего А. Гелгуда [6, с. 315]. Вместе с тем, поляки, литовцы и белорусы шли в атаку с позитивным настроением, сражались мужественно и храбро. Это подтверждают описания событий как польскими, так и российскими историками [12], [13], [6]. Потери союзных войск в жестоком бою у Понарских высот составили 2 тыс. человек убитыми, ранеными, пленными и дезертировавшими, к тому же в рядах начал наблюдаться упадок духа. В то же время у защитников города выбыло из строя не менее 400 чел. [12, с. 370].

Как отмечал полковник В. Крестовский, поражение под Вильно, по сути, предрешило дальнейший ход восстания в белорусско-литовских землях [5, с. 221]. В течение нескольких дней командованию русской резервной армии удалось сосредоточить к городу крупные силы, тем самым, обеспечив себе многократное превосходство над неприятелем, и начать масштабное наступление.

Не следует полагать, что после неудачного боя под столицей ВКЛ, повстанцы потерпели полное поражение. Их генералы попытались овладеть стратегической инициативой – закрепиться за линией Ковно – Вилькомир и вербовать за ней новые значительные силы из местных уроженцев – таким путем предполагалось перейти к позиционной войне. Этот смелый план был сорван частями русской резервной армии. Неудачной была и попытка командующего Антония Гелгуда осуществить общее отступление в Королевство Польское [12, с. 372]. Благодаря значительному численному превосходству, россиянам удавалось постоянно теснить отступавшего неприятеля, хотя окружить так и не удалось [11, с. 76]. Большая часть повстанцев перешла границу Пруссии, и там сложила оружие. При переходе, польским капитаном С. Скульским выстрелом в грудь был убит генерал А. Гелгуд [6, с. 327].

В то же время, польский генерал Г. Дембинский вместе с отрядом в 4 тыс. чел. при 6 орудиях, принял решение отступать в Королевство Польское. Командир хорошо осознавал всю сложность этого предприятия, так как в то время весь край был обложен царскими войсками. Осуществляя отступление, он рассчитывал на поддержку местного населения, и не ошибся.

При подходе славного генерала, патриоты Гродненщины активизировали свою деятельность, многие из них примкнули к его отряду. В конечном итоге Г. Дембинский смог выполнить поставленную задачу – пересечь границу Царства, и в начале августа вступить в Варшаву [19, с. 57].

После отступления из белорусских уездов польской армии, восстание на землях бывшего ВКЛ пошло на спад. В связи с его подавлением в августе была упразднена резервная армия графа П. А. Толстого [11, с. 76]. Отдельные очаги выступлений, продолжавшиеся до осени, уже не могли изменить общую ситуацию [16, с. 102].

В мае–июне 1831 г. повстанческое движение распространилось и на некоторые южные уезды Минской губернии – Мозырский, Речицкий и Пинский. В то же время здесь оно было менее масштабным, нежели в других районах, всего в этих районах действовали примерно 1300 чел. Отличился отряд из Пинского уезда под руководством поручика Тита Пусловского. В начале августа в его рядах насчитывалось около тысячи повстанцев. Формирование комплектовалось выходцами из Пинского, Слонимского, Кобринского и Новогрудского уездов.

Тем не менее, вооруженная борьба патриотов в трех южных белорусских уездах была жестко подавлена царской армией [16, с. 100].

Некоторые повстанцы белорусы вместе с отступившей польской армией оказались в Королевстве Польском. Часть из них приняла участие в работе общепольского сейма и Литовского комитета [16, с. 107].

Однако в то время ход истории было уже не изменить, 8 сентября 1831 г., под упорным натиском превосходящих российских войск, пала Варшава. Последние польские войска перешли границу Пруссии в начале октября. 21-го числа того же месяца русским сдалась последняя крепость Замостье [21, с. 28].

Причин поражения освободительной борьбы 1831 г. в белорусско-литовских землях достаточно много. На начальном этапе – это недостаточное оказание поляками поддержки, отсутствие у повстанцев общего руководства, лидера, несогласованность их действий. Серьезным фактором стало военное превосходство царских войск [3, с. 62].

Подход отряда генерала Д. Хлаповского в 20-х числах мая, способствовал активизации повстанческого движения. После вступления в Литву польского корпуса, главной причиной военных неудач стала некомпетентность главнокомандующего А. Геллуда. Но, оценивая его деятельность, напомним, что будучи назначенным на эту должность, он не получил конкретных инструкций к действиям, и в то же время, обязался следовать воле генерала Г. Дембинского, который не проявил себя как достойный и опытный командующий [12, с. 361], [13, с. 118].

Существенным недостатком, по большому счету, была неспособность повстанческих предводителей привлечь на свою сторону крестьян, составлявших на то время абсолютное большинство населения Российской империи [20, с. 196].

В то же время для более опытной и подготовленной российской регулярной армии, эта война не была простой. По этому поводу, анализируя письма Николая I к командующему резервной армией генералу П. А. Толстому, можно заметить обеспокоенность Государя [4, с. 547]. «Инсургенты», в противоположность россиянам, хорошо знали местность, имели повсюду информаторов, и пользовались этим как значительным преимуществом [7, с. 521], [6, с. 270].

Всего за весь период восстания, в нем приняло участие тем или иным способом в Королевстве Польском 140 тыс. чел., а вместе с землями бывшего ВКЛ общая цифра достигает 200 тыс. [16, с. 177]. Сложно подсчитать людские потери в ходе военных действий в белорусско-литовских землях. Со стороны повстанцев их количество исчисляется, предположительно, несколькими тысячами. Значительно меньше российских солдат и офицеров погибли на полях боя, серьезный урон нанесла холера [6, с. 330].

Литература

1. Давыдов, Д.В. Записки партизана: воспоминания о польской войне 1831 года / Д.В. Давыдов // Рус. старина. – 1872. – Т. 6, № 7. – С. 1–38 ; Т. 6, № 10. – С. 309–390.
2. Chłapowski, D. Pamiętniki : [w 2 cz.] / D. Chłapowski. – Poznań : Nakładem synów, 1899. – Cz II : Wojna roku 1830–1831. – 126 s.

3. За вольнасць і веру: Ігнацій Клюкоўскі і яго ўспаміны аб падзеях паўстання 1830–1831 гадоў / уклад., пер. на беларус. мову, уступ. арт., камент., паказ. В.В. Гарбачовай. – Мінск : Лімарыус, 2007. – 117 с.
4. Николай Павлович, имп. Письма к гр. П.А. Толстому, 1828–1831 гг. / имп. Николай Павлович // Рус. старина. – 1881. – Т. 31, № 8. – С. 547–568.
5. Крестовский, В. История Лейб-гвардии уланского его Величества полка / В. Крестовский. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. – [10], 354, 176, X с.
6. Пузыревский, А.К. Польско-русская война 1831 г. / А.К. Пузыревский. – СПб. : Тип. штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1886. – [2], XIII, 446, CCXVII с.
7. Кропотов, Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. Биографический очерк / Д. А. Кропотов. – СПб. : Тип. В. Безобразова, 1874. – 549 с.
8. Аскенази, Ш. Царство Польское, 1815–1830 гг. / Ш. Аскенази ; пер. с пол. В. Высоцкого. – М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1915. – 167 с.
9. Русский биографический словарь : в 25 т. – Репр. воспр. – М. : Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 9. – 1995. – 708 с.
10. Русский биографический словарь : в 25 т. – Репр. Воспр. – М. : Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 6. – 1996. – 748 с.
11. Русский биографический словарь : неопубл. материалы : в 8 т. / подгот. под наблюдением М.П. Лепехина. – М. : Аспект Пресс, 1997 – Т. 5. – 1999. – 303 с.
12. Tokarz, W. Wojna polsko-rosyjska, 1830 i 1831 / W. Tokarz. – Warszawa : Volumen, 1993. – 588 s.
- 13.